

Центральный фрагмент карты Константинополя. 1903

Вступление

Покинув независимую Грузию в последние месяцы 1920 года, Илья Зданевич прибыл в оккупированную странами Антанты столицу Османской империи, где находился почти до конца 1921 года. Оттуда на пароходе, идущем в Марсель, он отправился во Францию и прожил там оставшиеся полвека.

Приводя биографические сведения о нём, весь период его жизни между Тифлисом и Парижем чаще всего вмещают в одну короткую фразу: «Провёл год в Константинополе в ожидании французской визы». Действительно, многие бежавшие из России в те времена, покидая страну через её южные границы, попадали в этот «перевалочный пункт», откуда потом происходило их рассеяние по Европе и даже начинался путь в Америку¹. Довольно чужой для русских беженцев древний город воспринимался ими как временное убежище, и весь смысл житья там для большинства из них заключался в выборе дальнейшего пути следования и в ожидании необходимых документов.

Но было ли это так для Зданевича? Есть яркий соблазн всё-таки увязать путешествие писателя в этот город на границе Европы и Азии с теми антизападническими настроениями в искусстве, которые были свойственны многим русским нова-

торам — с тем «путём на Восток», который ещё в 1913 году провозгласила близкая соратница Зданевича Наталья Гончарова², или с «паломничеством на Восток», как он сам выразился в докладе о художнице, наконец, с его собственными футуристическими речами о Востоке как о единственной ценности в сегодняшнем искусстве³. В этой связи надо, конечно, вспомнить совершившего путешествие в Константинополь и Тегеран футуриста Василия Каменского с его «железобетонной поэмой» «Константинополь», персидскими мотивами и стихами, включающими квазивосточную заумную лексику⁴; Михаила Ларионова, очень стремившегося в Турцию и начавшего писать турецкую жизнь исключительно по своему представлению⁵; друга Зданевича Михаила Ле-Дантю с его чрезвычайным интересом к персидским миниатюрам и к грузинскому примитиву; журнал «Бескровное убийство» с «восточными» выпусками; в конце концов, Велимира Хлебникова с его гиланской эпопеей и персидским поэтическим циклом 1921 года⁶. В этом перечне окажется и Алексей Кручёных, служивший почти два года (1916–1918) на территории Восточной Турции и именно там сочинивший лучшие образцы своей «супрематической» зауми и визуальной поэзии⁷.

Для Зданевича, который в известном докладе «О футуризме» заявил: «Россия — Азия, мы — передовая стража Востока»⁸, этот путь никогда не означал поиска неожиданных, экзотических или омолаживающих решений. Для него, русского литератора и наполовину грузина, родившегося и долго

Внѣпартійное Об-во Художниковъ.

Концертный Заль

ПЕТРОПАВЛОВСКАГО УЧИЛИЩА

(Большая Коношская, 10).

Понедѣльникъ, 31 МАРТА 1914 года, въ 8^{1/2} час. вечера,

ИЛЬЯ ЗДАНЕВИЧЪ
ДОЛОЖИТЬ
О НАТАЛИИ
ГОНЧАРОВОЙ

ПРОГРАММА:

Выставка Н. Гончаровой Упряднение Футуризма. Сущность искусства. Роль времени. Всечество. Живописание Гончаровой Парижъ. Въ монастырѣ. Кубъ и будущее. Лучи. Паломничество на востокъ. О сюжетѣ. Возбужденія сотрудничаютъ. Искусство религиозное и искусство государственное. Письмо Н. Гончаровой. Книжки иужны. Циклы творчества Н. Гончаровой. Разложение краски. Деревня и церковь. Кубизмъ, футуризмъ, лучизмъ. Техника.

ПОСЛѢ ДОКЛАДА
ДИСПУТЪ

подъ предѣтельствомъ

П. А. СМѢЛОВА.

Въ диспутѣ примутъ участие: О. Э. Мавдельштаммъ, Б. Н. Лившицъ, М. В. ле-Дантю, Г. В. Ивановъ, А. С. Лурье, С. Н. Насѣдкинъ, Ф. П. Ризниченко, Н. И. Шмаковъ, В. М. Шульцъ, М. И. Соломоновъ.

На экранѣ будутъ показаны снимки съ работъ
Н. Гончаровой.

Билеты отъ 50 коп. до 3 руб. продаются у Вольфа (Невскій, 13 и Гостинный дворъ, 18), Погова (Невскій, 66), Витюрикова (Литейный, 31), пѣчебное Дѣло и Анисимова (Пет. ст., Большой пр., 6 и 30), на выставкѣ Н. Гончаровой (Мойка, 63), Внѣпарт. Об-ва Художниковъ (Бассейная, 10), въ Центральной театральной массѣ (Невскій, 23) и въ массѣ зала.

Печ. ва № 6370 разр. 21 Марта 1914 г. за Спб. грав., пом. его, камерг. Лыкогорскій.

Тех. В. Авдеев, Москва, 41.

Афиша доклада Зданевича «О Наталии Гончаровой». 31 марта 1914

жившего в Тифлисе (Тбилиси) — азиатском городе, находящемся в соседнем с Турцией, Азербайджаном, Ираном регионе Российской империи — это, по сути, всегда был *путь к себе домой*.

До отъезда в Константинополь он уже не раз побывал в Турции, где работал в качестве военного корреспондента на Кавказском фронте Первой мировой войны и исследовал местности, на которых сохранились древние христианские храмы. При всей любви к Востоку как к своему дому Зданевич, давний корреспондент Ф.Т. Маринетти и пропагандист итальянского футуризма, сторонник прогресса, сочинитель упорядоченной поэтической заумы и создатель новаторской шрифтовой типографики, стремится *за* новыми идеями и *с* новыми идеями на Запад, где вскоре, как известно, присоединится к дадаистам. Он оказался в главном городе Византии и Турции не с исследовательскими или художественными целями, а с изначальным намерением побыстрее добраться до Европы, — намерением, по всей вероятности, редко его весь этот год оставлявшим.

В конце своего затянувшегося пребывания в Константинополе он написал отцу в Тифлис, что провёл там «бесплодно потерянный год». И потом: «Можно ли дальше жить здесь — в этом проходном дворе, а не городе...»⁹ Но обращает на себя внимание другое письмо, где говорится об обстоятельствах, позволяющих нам предположить, что это путешествие всё же было особенным. Вдова Ле-Дантю Ольга Лешкова летом 1924 года сообщила Зданевичу:

До меня дошли слухи <...> о Ваших константинопольских похождениях. Похождения были настолько зданевичьи, и по существу, и по стилю, что интерпретация передатчика вне подозрений. Из них и из Вашего письма ясно, что и Вы тоже кой-что пережили...¹⁰

И вот что Зданевич написал ещё через пять лет, в начале своей автобиографической повести, подробно рассказывающей о его турецких приключениях:

Если не считать происшествия, свидетелем какого я нечаянно оказался в Константинополе, странствия эти никакого не заслуживают внимания¹¹.

Незавершённая повесть 1929 года «Письма Моргану Филипсу Прайсу» состоит из пяти писем-глав, сохранившихся в разных вариантах. В её основе находится, по крайней мере, три действительных письма, отправленных Ильяздом в том же году его другу английскому журналисту и политическому деятелю, с которым он вместе собирал материалы для репортажей с Кавказского фронта Первой мировой войны¹². Потому можно полагать, что многие описанные в книге события имели место на самом деле.

Следом за ней писатель подготовил рукопись романа из 20 глав «Философия» (1930), сюжет которого тоже посвящён Константинополю и развивает замысел повести¹³. И хотя действие этого авантюрного романа постепенно всё больше отклоняется от линии автобиографии Ильязда и смещает, как нам кажется, истинные мотивы героя, именно этот не-

НЕТАЙНО

происшествия, свидетелем которого я оказался в Константинополе, странствия эти никакого не заслуживают внимания. Но упомянутое событие ~~до такой степени~~ ^{в такой мере} было связано с бывшими моими умозрениями и надеждами и касается предметов вам хорошо знакомых, что я ~~хотел~~ ^{не могу} ~~рассказать~~ ^{рассказать} это в письмах. Кстати, случай проверить не забыли ли мы с вами, окончательно, зверский ямык.

Кланяйтесь вашей жене и обнимите детей.

МММ:

Замыслил в то время ~~революцию~~ ~~и~~
просветскими восточными, турками и мусульман-
ских Бельгийской обществу иудейской
и американский общества, и полиция советских ин-
секс защитой права обобщений на самонапре-
блемный, от действия нормативных и абстрактных
наименований о правах граждан стала по всем
там вот. Нужно создать ему дально-то, что
пугающий или удалив довести
Вооруженный и невооруженный МВЛММ
вас, то значит по закону итижка гадальни-
ца, анж, ити жармацкая, ~~который~~ ~~бы~~ ~~было~~
ввраща, итижка вати, гвалуца из крапивоши-
нов в клетку эушка. Билетик с предсказани

обычный текст лучше всего передаёт разные смыслы константинопольского «происшествия», какими они были для самого писателя.

Попытаемся разобраться, что Зданевич делал в течение этого времени в Стамбуле-Константинополе — в какой обстановке находился, где жил, где работал и как отдыхал, чем ещё занимался и что там произошло. Отчасти восстановить события или понять намерения героя помогут как оба его художественных текста, информации и оценкам которых мы будем иногда и с осторожностью следовать, так и другие его записи и разные документы, дополняющие событийную канву и открывающие неизвестные прежде факты. Эти материалы также прольют некоторый свет на источники литературных сюжетов, на прототипы их героев и на мотивы поступков самого Зданевича.

Примечания

- ¹ В архиве И. Зданевича сохранились документы, свидетельствующие о его возможных планах переехать в США, см. Declaration of Alien about to Depart for the United States, бланк, заполненный Зданевичем, очевидно, осенью 1920 г. Архив И.М. Зданевича, Марсель (далее — АЗ).
- ² См.: *Гончарова Н.С.* <Предисловие> // Выставка картин Наталии Сергеевны Гончаровой 1900–1913. М., 1913. С. 1.
- ³ См., напр.: *Зданевич И.* Футуризм и всёчество. 1912–1914: В 2-х т. / Сост., подг. текстов и коммент. Е.В. Баснер, А.В. Крусанова, Г.А. Марушиной, общ. ред. А.В. Крусанова. Т. 1. Выступления, статьи, манифесты. М.: Гилея, 2014. С. 85–86, 139, 199 и др.
- ⁴ См., напр., стихотворение «Вавилон фонетики» или поэму «Цувамма» (1919, опубл. 1920), имеющую, по меньшей мере, две неизвестные вариации — «легенду» и «словопластическую феерию» (обе — РГАЛИ). В поэме есть такие строки: «Я в своих словотворческих играх / над Вселенной вспеваю Восток...», цит. по рукописи, находящейся в РГАЛИ (ф. 1497, ед. хр. 4, л. 46).
- ⁵ См.: *Зданевич И.* Футуризм и всёчество. Т. 2. Статьи и письма. М.: Гилея, 2014. С. 19.
- ⁶ Появление Хлебникова в красной Гилянской республике (преобразованной в Персидскую социалистическую советскую республику) относится как раз ко времени жизни Зданевича в Константинополе, и примерно в те же месяцы угроза советского вторжения нависает и над Турцией.
- ⁷ См. также слова Кручёных о творчестве близкого к группе «41°» тифлисского поэта А.М. Чачикова (Чачикашвили), использовавшего восточную тематику и лексику: «И не суждено ли нашему поэту быть участником зарождающейся поэзии Востока на русском языке, передающей мёд пылающего края? Мёд зауми!», см.: *Кручёных А.* Предисловие / Чачиков А. Крепкий гром. М., 1919.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 8. В этой связи вспомним и примыкавшего к группе учёного-ираниста и поэта Ю.Н. Марра, использовавшего в своей поэтической зауми арабскую письменность.

⁸ См.: *Зданевич И.* Футуризм и всѣчество. Т. 1. С. 84.

⁹ Письмо к М.А. Зданевичу от 22 сентября 1921 г., АЗ.

¹⁰ Письмо от 8 июля 1924 г. см. в: Письма О.И. Лешковой к И.М. Зданевичу / Предисл., публ. и примеч. М. Марцадури // *Русский литературный авангард: Материалы и исследования* / Под ред. М. Марцадури, Д. Рицци и М. Евзлина. Тренто: Университет Тренто, 1990. С. 66. Упомянутое здесь письмо Зданевича, вероятно, не сохранилось.

¹¹ См.: *Ильязд (Зданевич И.)*. Письма Моргану Филипсу Прайсу / Предисл. Р. Гейро. М.: Гилея, 2005. С. 49 (далее — Письма Прайсу).

¹² Сообщено мне Р. Гейро.

¹³ Роман впервые опубликован в кн.: *Зданевич И.М.* Философия футуриста: Романы и заумные драмы / Предисл. Р. Гейро; подг. текста и коммент. Р. Гейро и С. Кудрявцева; сост. и общ. ред. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 2008. С. 185–473 (далее — Философия). В его начальных главах имеется много прямых текстуальных заимствований из повести.